

Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели

А.В. Веретевская

Статья посвящена актуальной проблеме интеграции во Франции иммигрантов-мусульман и их потомков. Автор рассматривает данную проблему как в историческом ракурсе, так и в контексте современности. В статье представлен подробный критический анализ французской интеграционной модели, выявлены ее существенные характеристики и ключевые особенности, сделаны выводы относительно перспектив использования модели в будущем.

Проблема интеграции инокультурных сообществ, как таковая, для французского общества и государства не нова. На территории Франции испокон веков проживало довольно разнообразное в культурном плане население – потомки германских племен сосуществовали с испытавшими на себе романское влияние потомками галлов, иберов и этнических кельтов. Проблемы, связанные с конфессиональным многообразием, для французов тоже не новость – столкновения католиков с протестантами освещены во многих исторических трудах, не говоря уже о художественной литературе. После Великой Французской революции республиканская Франция стала также домом для множества свободлюбивых иммигрантов, бежавших от авторитарных режимов, что сделало ее фактически полиэтнической страной. Главным объединяющим моментом для французского общества стала не этническая принадлежность (как, скажем, в более-менее мононациональной Германии), а гражданство.

Современная Франция унаследовала от революционной республики специфический принцип отделения «своих» от «чужих». Для французов

«свои» – это те, кто разделяет идеалы республики. Традиция *jus soli*¹ в специфически французской трактовке со времен Великой Французской революции – один из столпов французской государственности в представлении большинства ее граждан. Казалось бы, если в государстве доминирует принцип, в соответствии с которым «своим» потенциально может стать каждый, это должно говорить о наличии у общества открытой позиции по отношению к чужакам, о его готовности принять их в свои ряды. Проблем с интеграцией кого бы то ни было в таком обществе возникать вроде бы не должно. Однако не все так просто.

В XIX в. во Францию приезжало больше иммигрантов, чем в любую другую страну в Европе². Несмотря на большое число иммигрантов (по современным меркам, правда, не так много – их суммарное количество не превышало 3% населения³), французы относились к ним без враждебности. Их приезд совпал с экономическим ростом, поэтому дефицита рабочих мест не наблюдалось. К тому же в этот период иммигрирующие во Францию в абсолютном большинстве являлись носителями европейской культуры и внешне (в том числе и в

Веретевская Анна Вячеславовна – аспирантка кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: anna.veretevskaya@gmail.com

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ (проект "Мусульмане в России: проблемы и перспективы политической интеграции", № 12 - 03 - 00284), полученного коллективом преподавателей и аспирантов МГИМО(У) МИД России.

одежде, и в манере поведения) мало отличались от местного населения, поэтому достаточно быстро делались «незаметными» в общей массе. Правда, как только экономическая ситуация ухудшалась, это сразу отражалось на отношении к иммигрантам. Так, в 1889 г. был пересмотрен закон о национальности, который отныне давал право правительству отказывать иммигрантам в натурализации, если они этого «не заслуживали» или признавались «нежелательными»⁴.

В Первую мировую войну Франция потеряла много трудоспособного населения, и потребность в иммигрантах снова возросла. Правительство либерализовало свою иммигрантскую политику, вследствие чего к 1931 г. количество иммигрантов по отношению к местному населению стало составлять уже 6,6%⁵. Когда началась послевоенная депрессия, французские власти снова ужесточили правила натурализации, запретили иммигрантам работать в госсекторе и активизировали репатриационные механизмы. Эти меры касались и небольших по численности (по сравнению с европейскими иммигрантскими диаспорами) групп мигрантов из французских колоний. А. Кудрявцев пишет, что в 1914–1918 гг. ввоз магрибинцев был призван восполнить не только нехватку рабочей силы в сельском хозяйстве и на оборонных заводах, но и потери, которые французские войска несли на германском фронте⁶.

Вырванные из привычной социокультурной среды, мусульманские иммигранты первой волны не отличались строгим соблюдением внешних предписаний. С целью поддержания и повышения уровня «нравственного климата» на своих предприятиях предприимчивые французские промышленники стали организовывать мусульманские молельные помещения. Впоследствии идею способствовать повышению нравственности и таким образом обеспечивать дисциплину и усиливать контроль над уровнем общественного порядка переняли французские власти:

- в страну были приглашены имамы и духовные наставники различных суфийских братств;
- в железнодорожных депо и в больницах появились мусульманские молельные помещения;
- были созданы первые крупные мусульманские кладбища;

– в 1926 г. на средства светского французского правительства в Париже была открыта Большая мечеть, долженствовавшая во всем мире «свидетельствовать о духе терпимости и открытости Франции». Для большинства же проживавших во Франции мусульман парижская мечеть стала скорее символом того, насколько поверхностным являлось заявленное свидетельство: мечеть была построена в достаточно престижном V округе Парижа, и приезжавших с парижских окраин рабочих-мусульман в нее попросту не пускали из-за несоответствия их скромной одежды и облика величию учреждения.

После окончания Второй мировой войны во Францию хлынул новый иммигрантский поток. А. Харгрейвз писал, что хотя законодательно ника-

ких специальных квот французское правительство не вводило, де-факто французы все же стремились принимать больше иммигрантов из Европы, чем из Африки и Азии⁷. Несмотря на это негласное правило, иммигранты-мусульмане все же продолжали пополнять ряды иммигрантов во Франции. Период от 1950-х до 1970-х гг. можно назвать периодом пика иммиграции во Франции. Ф. Огден писал, что за это время количество иммигрантов в стране удвоилось и в абсолютном выражении стало для Франции рекордным⁸.

Начиная со второй половины 1960-х гг. лидерские позиции по количеству въезжающих прочно закрепились за «арабами»⁹. Представители стран Магриба – алжирцы, марокканцы и тунисцы, большинство из которых считали себя мусульманами, – стали наиболее частыми посетителями учреждений французской иммигрантской службы. Представителей других мусульманских стран (стран Черной Африки, Ближнего Востока, Турции и т.д.) также можно было легко встретить в очередях на получение французского вида на жительство. Быстрому численному росту этой неоднородной группы иммигрантов способствовал, в частности, тот факт, что разрешение на жительство и разрешение на работу с 1950-х гг. представляли собой два разных документа: иммигранты получили возможность переезжать во Францию семьями.

В начале 1970-х гг., как и другие государства европейской зоны, Франция начала ограничивать иммиграцию. Причиной тому послужило сокращение потребностей в рабочей силе из-за сокращения производства, вызванного нефтяным эмбарго. В 1974 г. консервативное правительство Жискара д'Эстена приняло соответствующие меры, сильно ограничивающие иммиграцию. Ограничения не коснулись европейских переселенцев, право которых на свободное перемещение в Европе было гарантировано, некоторых категорий квалифицированных рабочих и беженцев. Помимо ограничений на въезд, французские консерваторы также предложили программу репатриации. Иммигранты-мусульмане, правда, не спешили вернуться на родину. Программой репатриации воспользовались в основном испанцы и португальцы (экономическая ситуация в Испании и Португалии значительно улучшилась, и многие выходцы из этих государств, покинувшие их ранее, стали задумываться о переезде, а французское правительство к тому же предложило материальную помощь для осуществления этого замысла).

В целом стремящемуся снизить темпы иммиграции правительству удалось достичь некоторого успеха: в последнюю четверть XX в. значительного увеличения количества иммигрантов не наблюдалось. Однако, несмотря на все ограничения, в начале XXI в. французы стали ощущать себя живущими в полиэтничной, многокультурной стране. А. Харгрейвз писал об этой ситуации следующее: «Тот факт (или, скорее, видимость того), что прежние иммигранты (например, европейские иммигранты начала века) практически растворились во французском обществе, французы считают

■ Политология

успешным примером интеграции и желают, чтобы аналогичным образом интегрировались и все последующие иммигранты»¹⁰.

Однако ситуация с иммигрантами-мусульманами складывалась иная: их присутствие со временем стало не менее, а даже более заметным. Именно эта чрезмерная, с точки зрения многих французов, «заметность» иммигрантов-мусульман во французском обществе, классифицируемая как неинтегрированность этой категории культурных меньшинств, представляет на сегодняшний день, пожалуй, главную социокультурную проблему французского общества.

В начале XXI в. во Франции, по разным оценкам, проживает от 4 до 5 млн мусульман. Это составляет от 7 до 8% всего населения. По численности это вторая после христиан-католиков религиозная группа в стране, опережающая христиан-протестантов и иудеев. С такими показателями Франция оказывается одной из самых «мусульманских» стран Европы. Первые централизованные попытки как-то наладить процесс интеграции иммигрантов начали предприниматься французским правительством в середине 1970-х гг. Так, 9 октября 1974 г. был принят закон, в котором впервые были сформулированы основные принципы политики в отношении иммигрантов. В этом законе говорилось: «Франция стремится либо допустить повсеместную интеграцию на национальном уровне иностранных рабочих, которые сами того желают, либо позволить им сохранить социально-культурные связи с родиной для того, чтобы впоследствии они могли туда вернуться».

Иммигрантов-мусульман это положение ставило перед выбором между двумя вариантами. Первый из них предлагал интеграцию во французское общество на условиях полной ассимиляции во всем, что касалось общественной сферы. Учитывая, насколько в исламской традиции соединены частная и общественная сферы, то это являлось, по существу, требованием полной их ассимиляции практически во всем. При выборе второго варианта иммигранты могли сохранить свои традиционные культурные установки, но оказывались фактически вне границ общества. В 1991 г. «французская модель интеграции», суть которой описана выше, получила свое институциональное выражение: были созданы Министерство социальной деятельности и интеграции и Высший совет по интеграции. Эти органы отныне должны были способствовать популяризации первого варианта, то есть способствовать тому, чтобы иммигранты-мусульмане превращались во французских граждан.

Французский гражданин – главная единица французского общества, а с точки зрения государства – и вовсе единственная. По закону¹¹ французское государство не может выделять этнической, религиозной и любой другой культурной принадлежности гражданина. Все французские граждане пользуются демократическими правами, такими, как, например, свобода вероисповедания, свобода исповедовать различные культы, свобода культур-

ных и других ассоциаций, запрет на дискриминацию на основании религиозной принадлежности на работе, право на уважение к своему вероисповеданию. Но все эти права – в частной жизни. Республиканская традиция предполагает жесткое разделение между общественной сферой и частной. В общественную сферу входят гражданские и политические права и обязанности индивидов, в частную – все остальные проявления человеческой жизни (к ним относится язык, вера, обычаи и т.п.). Общественная сфера не допускает вторжения на свое поле того, что принадлежит частной. Так, например, в школе (сфера общественная) символы религиозной принадлежности запрещены, религиозный культ может отправляться только дома, то есть на частной территории.

В общественной жизни государство видит только граждан, которые взаимодействуют с ним на основании установленных светских порядков. Общественная сфера – нейтральна. Эта обязательная нейтральность и не позволяет государству «видеть» культурную/религиозную/этническую принадлежность индивида, ведь эта принадлежность – его сугубо личное (то есть частное) дело. Это означает, что мусульмане не могут взаимодействовать с французским государством как мусульмане (то есть религиозная группа), а только как французские граждане; не имеют возможности требовать от государства в отношении себя (в качестве религиозной группы) каких-либо решений или действий, ибо французское государство не признает таких групп.

И изменить этого иммигранты-мусульмане не могут. Для этого необходимо было бы менять сами республиканские принципы – основу основ французского государства. А добиться изменения главных принципов функционирования государства одному индивиду (даже если он полноправный гражданин), конечно, не под силу. Это могло сделать только большинство нации. В итоге случился политический пат. Государство имеет на своей территории от 4 до 5 млн населения, с которым у него нет налаженных способов коммуникации. Все действия французского правительства в отношении иммигрантов-мусульман имеют разрозненный и строго односторонний характер. И эта односторонность «французской интеграционной модели» проявляется во всем. Даже среди функционеров выше означенных государственных органов, призванных заниматься проблемами интеграции, не встречается магрибинских или центрально-африканских фамилий.

Результатом широкого применения такого одностороннего подхода к интеграции стала фактическая маргинализация большей части иммигрантов-мусульман и их потомков. Отсутствие у этой группы населения возможности влиять на политические решения в своем отношении имеет следствием сохранение и наращивание маргинальности мусульманской группы иммигрантов во всех значимых сферах жизни – экономической, социальной и т.д. На рынке труда иммигранты-мусульмане занимают самые непривлекательные места.

Уровень безработицы среди мусульман выше, чем среди других французских граждан и иммигрантов из Европы. Мусульмане во Франции живут в сравнительно худших условиях.

В начале своего пребывания многие иммигранты-мусульмане селились в так называемых бидонвиллях – наскоро сооруженных поселках без воды, электричества и канализации. Сегодня большинство иммигрантов-мусульман живут в пригородах больших городов в многоэтажных домах. Эти районы, как пишет Харгрейвз¹², представляют собой социологический эквивалент британских и американских городских центров. Уровень преступности там выше, чем в центральных городских районах, качество жилья – значительно ниже, инфраструктура (в частности, школы) – хуже. Причиной, по которой иммигранты-мусульмане концентрируются в пригородах, помимо низких доходов, является нелегальная установка квот: французские муниципалитеты в обход закона устанавливают ограничения для иммигрантов на проживание в своих районах.

Второе (и третье) поколение иммигрантов, то есть рожденные во Франции дети и внуки родителей-мусульман, оказываются главными заложниками патовой ситуации. Франция – их родина, они в абсолютном большинстве являются французскими гражданами и не имеют никакого другого гражданства, однако гражданство их назвать полноценным можно лишь юридически. Проживая в иммигрантских районах в пригородах крупных городов, они привязаны к школам, уровень преподавания в которых значительно ниже, чем в школах тех районов, где живут коренные французы. В такие школы не идут хорошие учителя, предпочитая иметь дело с более благополучными детьми. Большинство детей в таких школах плохо мотивированы на обучение еще и потому, что видят на примере своих родителей и старших братьев и сестер, насколько трудно «пробиться» человеку из их среды в жизни. В итоге многие предпочитают тратить свое время на процветающий в иммигрантских районах незаконный бизнес, чем пытаться попасть в высшую школу, прилагать колоссальные усилия, чтобы закончить ее, с тем чтобы потом получить право опять же пытаться доказать работодателям-французам, что они «не такие» арабы.

Те же дети, чьи родители стимулируют их к получению образования и в стремлении обеспечить им подобие социального лифта переезжают в неиммигрантский район и отправляют их в школу «для французов», почти всегда наталкиваются на школьный расизм, который имеет свойство отбивать у подростков всякое желание ассимилироваться во французском обществе. Вообще, судя по многочисленным интервью, проведенным Е. Деминцевой в 2003–2004 гг.¹³, воспитанные в светской французской школе дети иммигрантов-мусульман оказываются в лучшем случае «между» двух культур и говорят о нейтральном отношении к ним. Таких детей не очень много. Чаще же результатом обучения, помимо аттестата, становится отказ либо от культуры своих предков (это происходит сравни-

тельно редко), либо отторжение всего французского. И главное, что отвергают такие подростки, – это необходимость что-либо доказывать французам.

«Дело с экономической и социальной интеграцией этой группы (если брать ее в целом) обстоит даже хуже, чем с культурной»¹⁴, – пишет Д. Шнаппер. В иных странах недостаточность государственной поддержки системы социальных лифтов компенсируется поддержкой своей национальной/религиозной диаспоры. Наиболее уязвимые с социальной точки зрения представители иммигрантской среды (к которым, в частности, относится молодежь) за недоступностью социальной поддержки непосредственно от государства могут обратиться в социальные (культурные/религиозные) организации своей диаспоры. Во Франции такая возможность сведена к минимуму. В процессе интеграции во Франции, как мы помним, участвуют строго две стороны: индивид-иммигрант и государство, причем одна из этих сторон – молчаливо-пассивная. «Посредничество иммигрантских сообществ исключается», – пишет И.С. Новоженова¹⁵. В результате, если государство по каким-либо причинам не может выполнять своих функций по обеспечению функционирования социальных лифтов в достаточном объеме (например, потому, что группа, которой требуются эти лифты, не имеет политического представительства), заведомо более уязвимые (чем коренные французы) иммигранты оказываются каждый один на один с безысходностью.

За неимением возможности найти решение своих проблем при помощи государства/принимающего общества и мирных организаций внутри своей диаспоры, которые могли бы взять на себя функцию представительства их интересов, молодым людям из иммигрантских семей остается выбирать между мафией и экстремистами.

Из выше изложенного «правила» есть небольшие исключения. Так, в частности, Ж. Боберо считает, что принятый в 1981 г. закон, разрешающий иностранцам создавать свои ассоциации, является свидетельством медленного движения Франции в правильном направлении¹⁶. Да и отношение к мусульманам во французском обществе не во всем отрицательное. Многие работодатели предоставляют мусульманам дополнительное свободное время на молитву во время рабочего дня, а также специальный отпуск для паломничества; французские тюрьмы предоставляют заключенным-мусульманам возможность поговорить с мусульманским духовным наставником, а также мусульманское меню¹⁷.

Однако, на наш взгляд, все это «исключения, подтверждающие правило». Факт остается фактом: иммигранты-мусульмане и их потомки на сегодняшний день не являются участниками значимого политического диалога, который бы компромиссно определял цели и принципы дальнейшей жизни всего французского общества и мусульман в его составе. А именно такой диалог нужен для того, чтобы «столкновения цивилизаций» вроде знаменитого «дела о платках», впервые возникшего

■ Политология

в 1989 г. и сегодня не потерявшего актуальности, могли получить мирное разрешение.

До тех пор, пока французское общество не изыщет в себе силы принципиально изменить свое отношение к иммигрантам-мусульманам, допустив их до реального политического участия в определении судьбы своей религиозной группы во Франции, то есть не пересмотрит односторонность своей интеграционной модели, острота проблемы интеграции во Франции не снизится.

Veretevskaya A. V. Muslims in France: Features of the Integrated Model.

Summary: The article deals with an acute problem of integration of Muslim immigrants and their descendants in France. The author follows the problem throughout its history and analyzes its modern status. The article provides thorough analysis of the French Integration Model. The author concludes with a prospect on its use in the future.

Ключевые слова

Франция, мусульмане, интеграция иммигрантов, французская интеграционная модель

Keywords

France, Muslims, integration of immigrants, French Integration Model

Примечания

1. Jus soli (лат. буквально «закон земли») — юридический термин, закрепляющий право получения гражданства государства лицами, принадлежность которых к этому государству определяется не «кровью», то есть не этнической принадлежностью предков. В государстве, применяющем jus soli, правом на гражданство могут обладать, например, все дети, рожденные на его территории. Jus soli во Франции – это восходящая к Великой французской революции традиция требовать от своих граждан прежде всего разделения идеалов республики.
 2. Dignan, D. 1981. "Europe's Melting Pot: A Century of Large-Scale Immigration into France." *Ethnic and Racial Studies*, 4(2): 137-52; Noiriel, G. 1990. *Workers in French Society in the 19th and 20th Centuries*. New York: Berg.
 3. Hargreaves, A. 1995. *Immigration, "Race," and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. P.10.
 4. Noiriel, G. 1996. *The French Melting Pot: Immigration Citizenship, and National Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P.63.
 5. Ibid. P.64.
 6. Кудрявцев. А. Мусульмане во Франции. Россия и мусульманский мир. 2002. №11. С. 155-168.
 7. Hargreaves, Alec G. 1995. *Immigration, "Race," and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. P.11.
 8. Ogden, Philip E. 1995 "Labour Migration to France." Pp. 289-96 in Robin Cohen (ed.), *The Cambridge Survey of World Migration*. Cambridge: Cambridge University Press. P.292.
 9. Этим термином, как подтверждает Е. Деминцева, французы и сегодня обозначают всех выходцев из стран Магриба и их детей, вне зависимости от их реальной этнической принадлежности. См.: Деминцева Е. Культурный плюрализм и социальная интеграция /Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы научной конференции // Общ. ред. В.С. Малахов, В.А. Тишков, А.Ф. Яковлева. М.: Издательство ИКАР, 2011. 266 с.
 10. Hargreaves, Alec G. 1995. *Immigration, "Race," and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. Pp. 26-27.
 11. Имеется в виду Кодекс законов о гражданстве, введенный в силу 19 октября 1945 года с поправками от 1973, 1984, 1993 и 1998 годов.
 12. Hargreaves, Alec G. 1995. *Immigration, "Race," and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. Pp. 72-73.
 13. См.: Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции. М.: НЛО, 2008. 192 с.
 14. Schnapper, D. *Integration nationale et integration des migrants: un enjeu europeen.*- Mode of access: http://www.robert-schuman.eu/doc/questions_europe/qe-90-fr.pdf
 15. Новоженова И.С. Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм. Актуальные проблемы Европы. 2011. №4.
 16. Bauberot J. *Le multiculturalism en douce. Propos receillis par C.Lepage le 17 avr. 2006 pour L'Express du Pacifique.* – Colombie-Britannique.- 2006. Vol.60 N.2.
 17. Viorst, Milton. 1996. "The Muslims of France". *Foreign Affairs*. 75 (Sept./Oct.): 78–96. P.79.
-